

Женщина прижимала к себе ребенка и выглядела так, будто в следующую секунду разрыдается от отчаяния. У девочки, забившейся к ней в объятия, лицо горело пунцовым огнем; она тяжело дышала через приоткрытый рот, не открывая глаз. Это была Янь-Янь.

— Отдайте ребенка мне.

— Я вызову машину!

Чу Ваннань и Ся Цинлу заговорили одновременно, не успев даже подумать.

Чу Ваннань перехватил девочку и в два-три прыжка преодолел лестничные пролеты, выбегая из подъезда. Ся Цинлу уже набирал номер, а женщина поспешно следовала за ними.

Их поспешное появление во дворе тут же привлекло внимание стариков, особенно когда те заметили перепуганную женщину.

— Что случилось?

— У ребенка жар? Срочно в больницу надо!

Ся Цинлу сбросил вызов и покачал головой Чу Ваннаню:

— Водитель говорит, снаружи пробки, он приедет не скоро.

Он коснулся лица Янь-Янь — оно было обжигающе горячим. Нос у девочки, видимо, заложило, и она с трудом хватала воздух ртом.

Чу Ваннань:

— Ждать нельзя, я сам отнесу её.

Недалеко от жилого комплекса «Синфу» была большая больница, до которой можно было добежать минут за десять. Времени на машину не осталось: бросив короткую фразу, Чу Ваннань сорвался с места, а Ся Цинлу и женщина бросились вдогонку.

Лишь через полчаса, когда Янь-Янь измерили температуру, дали лекарство и она мирно уснула на больничной койке, все смогли немного выдохнуть.

Женщина коснулась лица девочки — жар еще не спал, но кожа стала чуть прохладнее, чем полчаса назад.

— Огромное вам спасибо! Я няня этой малышки. Утром Янь-Янь выглядела вялой, но я подумала, что она просто скучает по папе, и не придавала значения. А когда спохватилась, у нее уже была сильнейшая лихорадка.

Женщина до сих пор содрогалась при воспоминании об этом.

Пока она готовила обед на кухне, Янь-Янь играла в комнате. Когда в доме внезапно стало слишком тихо, няня почувствовала неладное, вышла и обнаружила девочку спящей на диване с пылающим лицом.

Чу Ваннань спросил:

— Вы сообщили господину Чэню?

Его спокойный и рассудительный тон помог унять панику женщины. Она кивнула:

— Да, только что. Господин Чэнь сказал, что будет через двадцать минут.

На деле Чэнь Шу примчался гораздо быстрее. Он явно бежал: лицо встревоженное, волосы растрепаны, полы белой рубашки слегка выбились из брюк, а на переносице и лбу выступили капельки пота.

— Янь-Янь!

От охватившего его беспокойства он проигнорировал всех присутствующих в палате; его взгляд мгновенно замер на дочери.

Чэнь Шу приткнулся к кровати. Сначала он тыльной стороной ладони проверил температуру её лба, затем коснулся маленькой ручки. Убедившись, что состояние Янь-Янь гораздо лучше, чем он себе навоображал, он наконец шумно выдохнул, выпуская накопившееся напряжение.

От долгого бега тело ломило, ноги стали ватными, а каждый вдох отзывался режью в горле.

Только сейчас он, кажется, заметил остальных. С трудом собравшись с силами, он с благодарностью произнес:

— Спасибо вам огромное за помощь!

Человек, который при редких встречах казался этим двум старшеклассникам зрелым и надежным, после болезни дочери выглядел уязвимым и измотанным.

Няня, полная раскаяния, пробормотала:

— Господин Чэнь, это моя вина, я вовремя не заметила, что ей плохо.

Ся Цинлу видел, что Чэнь Шу сердится, но все же попытался утешить женщину:

— Ничего, вы, должно быть, тоже очень испугались.

То ли от усталости, то ли от не остывшего гнева, Чэнь Шу промолчал. Он затих, не сводя глаз с Янь-Янь. Девочка, словно почувствовав присутствие отца, приоткрыла заспанные глаза и попросила пить.

Чэнь Шу с нежностью приобнял её, взял стакан из рук няни и начал поить дочь.

Видно было, что у него большой опыт в уходе за ребенком: прежде чем поднести стакан, он подложил под подбородок Янь-Янь салфетку, чтобы вода не пролилась на одежду.

Попив, девочка немного пришла в себя. Увидев отца, она широко открыла глаза:

— Папа!

Чэнь Шу крепко прижал её к себе:

— Да, я здесь.

Он сидел к остальным затылком, и Ся Цинлу не видел его лица, но по сорвавшемуся голосу мог представить, что глаза мужчины сейчас покраснели от слез и невыносимого чувства вины.

С Янь-Янь всё было в порядке, и Ся Цинлу наконец окончательно успокоился.

Хоть они и были знакомы с семьей Чэнь Шу недолго, Янь-Янь была настолько милой и живой девочкой, что её болезненный вид на больничной койке заставлял сердце сжиматься.

Ся Цинлу случайно повернул голову и заметил, что Чу Ваннань очень серьезно смотрит на обнимающихся отца и дочь. Он замер и невольно тоже присмотрелся к соседу.

В книге говорилось, что у Чэнь Шу такие «глаза персика», что в чьем бы направлении он ни посмотрел, взгляд кажется глубоким и полным чувств. Сейчас его веки покраснели, а во взгляде смешались самобичевание, душевная боль и раскаяние; в глазах дрожали кристальные слезинки, делая их похожими на весеннюю заводь с бликами на воде. От этого зрелища перехватывало дыхание.

[У него пара многострадальных глаз персика, чей цвет полон соблазна, однако чистота взгляда подавляет этот порыв, невольно придавая его облику невинное, но в то же время пленительное очарование].

«Чу Ваннаню» больше всего нравились именно эти глаза.

А что насчет настоящего Чу Ваннаня? Неужели он тоже, согласно сюжету, попал под очарование Чэнь Шу?

Чу Ваннань пристально смотрел на Чэнь Шу — отца, без памяти любящего свою дочь.

После переезда тети Юань в квартиру снизу въехала неполная семья. У самого Чу Ваннаня тоже была только мать. Это сходство заставляло его невольно уделять семьеот второй квартире чуть больше внимания.

Жизнь с матерью была хорошей, тихой и счастливой, но иногда он задумывался: каким бы был его отец? Строгим? Любящим? Или похожим на отца Ся Цинлу?

Чу Ваннань пытался нарисовать в воображении этот образ, но лицо никак не обретало четких черт.

До пятнадцати лет он еще задавался этим вопросом, но после — он стерся из памяти. И только сегодня, глядя на Чэнь Шу и Янь-Янь, он снова извлек его из глубин сознания.

— Вы хороший отец, — сказал Чу Ваннань.

Чэнь Шу не соответствовал тому образу строгого отца, который он себе когда-то рисовал, но он, как и дядя Ся, всем сердцем любил своего ребенка.

Чэнь Шу горько усмехнулся:

— Какой из меня хороший отец... Не могу быть рядом, чтобы присматривать за ней, даже не узнал сразу, что у нее жар.

Раньше он работал в штаб-квартире корпорации из списка Fortune 500. Ради переезда в жилой комплекс «Синфу» он попросил перевести его в местный филиал. На новой должности дел было невпроворот, времени не хватало даже на обед, не говоря уже о заботе о дочери.

Раньше Янь-Янь занималась мать. Чэнь Шу понимал, как тяжело жене, и даже когда она охладела к нему и захотела развода ради другого мужчины, он не стал возражать. Он просто

забрал дочь и съехал, оставив бывшей жене их огромную квартиру.

По непонятной причине это разозлило её еще сильнее — она назвала его «тряпкой». Квартиру она не взяла: забрав вещи, она гордо ушла под руку со своим новым богатым ухажером.

А пару дней назад выложила в соцсети фотографии из отпуска в Новой Зеландии.

Янь-Янь раньше редко болела, мать хорошо за ней ухаживала. На фоне бывшей жены Чэнь Шу чувствовал, что делает недостаточно.

Чу Ваннань и Ся Цинлу не знали, как его утешить, поэтому просто молчали.

Они пробыли в палате недолго и вскоре начали прощаться.

Перед уходом Ся Цинлу напомнил Чэнь Шу:

— Найдите время поговорить с Янь-Янь. Маленькому ребенку трудно адаптироваться в новой обстановке, когда рядом нет знакомых людей.

Чэнь Шу замер на месте, погружившись в свои мысли.

Но Ся Цинлу знал: совсем скоро тот уволится и посвятит всё время заботе о дочери, из-за чего его контакты с Чу Ваннанем станут намного чаще.

По идее, если хочешь вытащить Чу Ваннаня из воронки сюжета, нужно сокращать его встречи с Чэнь Шу. Но Янь-Янь тоже нуждалась в заботе близкого человека, а любовь родителя — лучшее лекарство.

— Осторожно, смотри на дорогу! — чья-то сильная рука резко дернула Ся Цинлу на себя. В то же мгновение мимо него промчалась машина.

Если бы не Чу Ваннань, он мог бы попасть под колеса.

Ся Цинлу еще не отошел от испуга, а на лице Чу Ваннаня уже читался гнев:

— Совсем не смотришь, куда идешь! О чем ты опять думаешь?!

Не успел пройти один шок, как навалился другой.

Под тяжелым взглядом Чу Ваннаня Ся Цинлу невольно вжал голову в плечи и заискивающе улыбнулся:

— Я просто подумал, что Янь-Янь очень жалко.

Если бы он раньше вспомнил этот момент в сюжете и предупредил Чэнь Шу, девочка не попала бы в больницу с температурой под сорок.

Та книга на девяносто процентов состояла из всяких непотребств, и он читал её по диагонали. Болезнь Янь-Янь там упоминалась вскользь — лишь как повод для сближения «Чу Ваннаня» и Чэнь Шу. Он мельком глянул этот эпизод, а потом был настолько шокирован сценой на кухне, что про лихорадку совсем забыл.

И только в больнице память вернулась.

Чу Ваннань:

— Отец о ней позаботится.

Даже в неполной семье, если отец готов вкладывать силы, растить ребенка ему порой легче, чем матери — по крайней мере, он не услышит столько сплетен за спиной.

Он хотел успокоить друга, но для Ся Цинлу это прозвучало как сигнал о том, что симпатия Чу Ваннаня к Чэнь Шу растет.

Внимание и одобрение, которые Чу Ваннань проявил сегодня, словно подтверждали: реальность неумолимо следует сюжету.

Ся Цинлу становилось тошно при мысли о тех проблемах, которые создадут восемьсот любовников из книги. Лишь осознание того, что сам он — всего лишь декорация, немного поднимало настроение. Он хлопнул Чу Ваннаня по плечу и торжественно произнес:

— Ты же знаешь, я всегда считал тебя лучшим братом.

Даже если вокруг тебя будет больше проблем, чем блох на собаке, я с тобой не расстанусь. В крайнем случае — буду держаться чуть подальше.

Так что, когда ты всё узнаешь, ты ведь поймешь меня, верно?

Чу Ваннань на эту бессвязную фразу лишь недоуменно приподнял бровь: ?

Наконец, принявший внутреннее решение Ся Цинлу дождался дня оглашения результатов. Школьный чат, затихший на пару дней, снова взорвался сообщениями.

В атмосфере всеобщего напряжения и предвкушения секундная стрелка замерла на цифре двенадцать.

Ся Цинлу встрепенулся: пора!

Он с трепетом кликнул на ссылку. Секунда, две...

Минута, две...

Надежда сменилась безразличием.

Прошло десять минут, а страница так и не загрузилась — слишком много людей одновременно пытались узнать свою судьбу.

В чате творилось безумие: кто-то выл от того, что сайт «лежит», а кто-то уже радостно делился успехами.

Ся Цинлу не нашел там сообщений от Чу Ваннаня и решительно набрал его номер:

— Ты узнал? Сколько баллов?

«Чу Ваннань» в книге, разумеется, поступил в Цинхуа, но точные цифры там не упоминались.

Чу Ваннань:

— Шестьсот девяносто семь. Открой дверь.

Ся Цинлу подпрыгнул на месте:

— Шестьсот девяносто семь?! Да ты наверняка лучший в городе!

С телефоном в руках он вприпрыжку побежал открывать. Его улыбка была такой широкой, что на лице проступили все морщинки радости:

— Добро пожаловать! Как разбогатеешь — не забудь старого друга!

Ся Цинлу унаследовал лучшие черты родителей: правильные черты лица и лучистые глаза. Когда он заискивающе кривлялся, это не вызывало отторжения, наоборот — заряжало окружающих позитивом.

Словно заразившись его настроением, Чу Ваннань невольно улыбнулся:

— Всё ожидаемо.

Глядя на его спокойную уверенность, Ся Цинлу вдруг почувствовал, что у него чешутся кулаки.

— А у тебя сколько?

— Еще не зашел.

Они прошли в комнату Ся Цинлу. Чу Ваннань сел за компьютер; ответ монитора лег на его сосредоточенное лицо.

Ся Цинлу сам не понимал, почему его напускное спокойствие вдруг сменилось мандражом.

Видать, пик запросов прошел, и на этот раз сайт сдался без боя. Чу Ваннань длинными пальцами безошибочно ввел номер удостоверения личности друга.

Ся Цинлу сглотнул.

Чу Ваннань нажал Enter.

662 балла.

Выше, чем он сам себе насчитал при сверке ответов.

Сюрприз был настолько внезапным, что в голове у Ся Цинлу стало пусто.

Чу Ваннань произнес:

— Шестьсот шестьдесят два. В Цинхуа проходишь.

Улыбка на его лице стала еще шире.

Ся Цинлу снова сглотнул, и в голове билась только одна мысль: «Круто, прохожу в Бэйда!»